

Своеобразие осмысления теории чистого искусства в статье
К. Чуковского «К вечно-юному вопросу»

Актуальный в русской критике начала XX века вопрос о том, по какому пути должна развиваться литература – чистого искусства или гражданского служения, – находит отражение и в дебютной статье К. Чуковского «К вечно-юному вопросу» (газета «Одесские новости» от 27 ноября 1901 года)¹. Обращение начинающего критика к этой проблеме М. Петровский, автор «Книги о Корнее Чуковском», объясняет тремя причинами: попыткой развенчания идеи самоцельности чистого искусства, «протестом против писаревского разрушения эстетики» [5, с. 19] и стремлением доказать общественную полезность «безыдейных» произведений, к числу создателей которых поздненародническая критика причисляла и А. Чехова, одного из любимых писателей молодого К. Чуковского. Точка зрения М. Петровского основывается на изучении мемуарных записок Корнея Ивановича. В самой же статье начинающего критика обозначена другая причина, побудившая его выразить собственную точку зрения на чистое искусство: «Как прежде, так и теперь все дело можно исчерпать двумя словами: одни говорят, что искусство должно служить нуждам и потребностям человека, другие – что оно само себе господин и никому, кроме себя, служить не обязано!

Более тридцати лет прошло со времени первых споров об этом на Руси, а мы все топчемся на одном месте» [7]. Очевидно, что критиком движет ощущение застарелости и тупиковости характера дискуссии между сторонниками чистоты искусства и апологетами его прагматизации. С точки зрения К. Чуковского, эта полемика характеризуется однонаправленностью: участники дискуссии оказываются на стороне одной из противоборствующих эстетических теорий и доказывают вредность другой. Однако споры в русской критике вокруг концепций чистого и утилитарного искусства отличаются бóльшим многообразием. Например, еще в суждениях Н. Гоголя прослеживается мысль о том, что «искусство для искусства» было необходимо на определенном этапе развития русской литературы, а затем возникла потребность в смене эстетического ориентира: «Поэзия наша пробовала все аккорды, воспитывалась литературами

¹ Рассуждая о теории чистого искусства, литературные критики и писатели нередко подчеркивают специфичность собственного понимания ее содержания. Например, Г. Флобер пишет: «Искусство не должно становиться игрой, хоть я тоже рьяный сторонник доктрины искусства для искусства, которую понимаю по-своему (разумеется)» (жирным шрифтом выделено мною. – Т. Д.) [6, с. 34]. Писатель В. Кочетов утверждает: «Чистота» искусства определяется не его отгороженностью от жизни, а чистотой намерений художника» [4, с. 36]. В отличие от тех, кто корректирует смысловое наполнение понятия *чистое искусство*, К. Чуковский не предлагает собственную вариацию содержания этой теории. Его представления о сущности «искусства для искусства» традиционны. К. Чуковский озадачивается вопросом о месте теории чистого искусства в жизни общества.

всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, еще не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству, – как ни прекрасно это служение, – не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам и искусство...» [4, с. 182].

В русской литературной критике XIX века была и концепция, сходная с той, которую отстаивает сам К. Чуковский – эстетический плюрализм как сосуществование в художественной культуре чистого и утилитарного искусства. Так, представители артистической школы критики В. Боткин, А. Дружинин, будучи апологетами чистого искусства, демонстрируют толерантность по отношению к выбору творческой личности в пользу прагматической установки. «Никто не думает оспаривать у поэтов права заниматься дидактическими целями...» [1, с. 208], – замечает В. Боткин. «Здравомыслящий и практически развитый поэт, отдавшись дидактике, может произвести много полезного для современников – этого мы отвергать не будем» [3, с. 148], – пишет А. Дружинин. Однако терпимость обоих критиков к эстетическому утилитаризму не означает признания его равноценности чистому искусству. Представители артистической школы подчеркивают неконкурентоспособность первого в сравнении с возможностями, которые дает художнику следование второму. В. Боткин предупреждает приверженцев утилитаризма, что «такого рода произведения, хотя и могут иметь поэтическую наружность и даже поэтические достоинства в частностях, но никогда не заслужат перед беспристрастной критикой названия действительно поэтических произведений» [1, с. 208]. По мнению критика, «такое направление есть свидетельство или не вполне поэтического таланта, или упадка его, тем более что на дидактическом поприще могут с успехом подвизаться и самые посредственные дарования» [1, с. 208].

Мыслям В. Боткина вторит А. Дружинин, апеллируя к аргументу о степени долговечности того, что создано сторонниками чистоты искусства и защитниками его использования в служебной роли: «Незыблемо и твердо стоят поэты, читатели искусства чистого, голос их раздается из столетия в столетие, между тем как голоса дидактиков (часто благородные и сильные голоса) умирают, едва прокричавши кое-что, и погружаются в пучину полного забвения. <...> То, что сегодня было ново, смело и плодотворно – завтра старо и неприменимо, и, что еще грустнее, не нужно обществу!» [3, с. 150].

Присущее представителям русской эстетической критики середины XIX века иерархическое восприятие ценности чистого искусства и эстетического утилитаризма у К. Чуковского отсутствует. В поддержку «искусства для искусства» в его статье отмечается: «Как третировали тех, кто в «годину воспевал ласки милой» и, живя для «сладких звуков», совершенно не интересовался целью этих звуков, применением их, кого интересовала только форма, а не содержание... К ним относились с «честным» негодованием, смотрели на них, как на общественных паразитов, и вот теперь оказывается, что эти бесполезные, ненужные и даже вредные идеи – необыкновенно полезны, что, не будь их, этих идей, переступивших точку, люди ни за что не дошли бы до нее, они остановились бы на половине пути, и человечество погибло бы, лишённое благоденствий, общественной защиты...» [7]. Задачи, которые выполняет утилитарное искусство – «помогает обществу наилучшим образом производить пищу, одежду и жилье» [7], – критик считает не менее значимыми, чем идеалы сторонников чистого искусства². Таким образом, в сравнении с В. Боткиным и А. Дружининым, допускающими сосуществование утилитарного и чистого искусства, но не признающими их равноценными по своей значимости, новизна образа мыслей К. Чуковского заключается в акценте на паритетном существовании этих эстетических теорий. Для критика они составляют пару взаимодополняющих концепций, служащих в конечном счете общему делу поддержания жизнеспособности общества. К. Чуковский размышляет: «На каждое проявление личности общество наложило свою тяжелую лапу, и все, что ни делает личность, все это нужно не для нее самой, а для общества. Ну а если б она не делала этого? Она погибла бы. Значит, она делает это не для общества, а для самой себя. <...> обществу, которое нас защищает, нужен со стороны личности такой взгляд на вещи, будто она все приказания его по своей воле исполняет. Обществу выгодно обмануть личность, значит, личности выгодно быть обманутой. <...> Как удобнее скрыть истинную цель своего требования? Сделать так, чтобы личность пошла по тому же пути дальше цели, чтобы она на средства посмотрела как на цель, чтобы она сочла каждый путь к этой цели самодовлеющим, нужным для самого себя.

² Фрагменты философского сочинения К. Чуковского, написанные в тот же период, когда создавалась статья «К вечно-юному вопросу», свидетельствует о том, что критик находит изъяны в каждой из рассматриваемых эстетических концепций, что для него однако не служит свидетельством бесперспективности последних [7].

Абсолютная истина... абсолютное добро... абсолютная красота... абсолютная справедливость... – какие все это полезные, нужные ошибки...» [7]. С точки зрения К. Чуковского, важнейшая роль теории «искусства для искусства» заключается в мотивировании художника на максимальную творческую самоотдачу: «Не веря в самоцельность этого пути, личность не могла бы так бескорыстно служить «святому искусству», вкладывать в него всю душу, почитать его господином <...>, она не могла бы молиться на него, страдать за него, предпочитать ему все блага жизни...» [7]. Теория, отстаивающая самоценность искусства, оказывается поставлена К. Чуковским на службу общественным интересам.

Стремление молодого автора доказать полезность чистого искусства для М. Петровского является основанием воспринимать К. Чуковского в качестве «поборника чистого искусства» [5, с. 75]. Однако вряд ли такая характеристика правомерна. К. Чуковский выступает как защитник необходимости существования концепции «искусства для искусства», не разделяя при этом убеждений ее сторонников. В то время как последние все время воспринимают мысль о свободе творчества, делают краеугольным камнем собственной теории идею самодостаточности художественной реальности, К. Чуковский как бы со стороны оценивает эти взгляды в качестве полезного заблуждения, считая художника на самом деле ни о чем не подозревающей марионеткой в руках искусно манипулирующего ею общества.

Автору статьи «К вечно-новому вопросу» удастся предложить собственное оригинальное разрешение спора между защитниками чистоты искусства и адептами его использования в служебной роли. Философско-эстетические взгляды дебютировавшего в печати К. Чуковского свидетельствуют о том, что в период Серебряного века рассматриваемая полемика велась не только в консервативном русле, существовало и стремление к осмыслению взаимоотношений «искусства для искусства» и эстетического утилитаризма в совершенно новом ключе.

Литература

1. Боткин, В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма / В. П. Боткин. – М. : Сов. Россия, 1984. – 320 с.
2. Гоголь, Н. В. Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1953. – Т. 6. – 456 с.
3. Дружинин, А. В. Литературная критика / А. В. Дружинин // – М. : Сов. Россия, 1983. – 384 с.
4. Наша анкета. Художник и общество // Поэзия. – 1989. – Вып. 54. – С. 24–54.
5. Петровский, М. С. Книга о Корнее Чуковском / М. С. Петровский. – М. : Сов. писатель, 1966. – 416 с.

6. Флобер, Г. О литературе, искусстве, писательском труде : письма; мтатъи : в 2-х т. / Г. Флобер. – М. : Худ. лит., 1984. – Т. 2. – 503 с.

Чуковский, К. И. К вечно-юному вопросу/ К. И. Чуковский // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/8/chukov.html. – Дата доступа : 15.04.2016.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ